
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОВЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ, или О ТОМ, КАК «ИСЧЕЗЛА» ИЛИМСКАЯ ПАШНЯ

...наука, подобно другим предприятиям, нуждается в своих героях и хранит их имена. К счастью, вместо того чтобы забывать своих героев, ученые всегда имеют возможность забыть (или пересмотреть) их работы.

Т. Кун

Борис Василевский в своем очерке «Заря космической эры, или Русская Атлантида», написанном во многом «по мотивам» первых статей о жизни и творчестве Вадима Николаевича Шерстобоева, появившихся на страницах Иркутского историко-экономического ежегодника, так образно определил уникальность книги последнего: «она о том, чего нет не только исторически, но и географически»¹. Однако «илимской пашне» суждено было исчезнуть много раньше начала строительства Усть-Илимской ГЭС, и отнюдь не под толщей сомкнувшихся над нею вод водохранилища (что имел в виду писатель и публицист). «Илимская пашня» «исторически и географически» исчезла под пером ученого долгое время являвшегося неофициальным лидером сибиреведов, занимавшихся изучением истории Сибири периода феодализма, — Виктора Ивановича Шункова (1900–1967).

Цель настоящей статьи состоит не только и не столько в реконструкции истории взаимоотношений столичного и провинциального ученого на «фоне эпохи», в контексте так называемой внешней социальности науки. Крайне интересно взглянуть на их научное противостояние в свете того серьезного влияния, какое оказывают на содержание научного знания социальные отношения внутри научного сообщества или внутренней социальности науки — психологические и социальные факторы, регулирующие жизнь профессионального научного сообщества, так называемое «давление профессии». Это только на первый взгляд герои статьи жили в «параллельных мирах», принадлежали к не пересекавшимся историческому и экономическому цехам. На деле, предметной области их исследования — аграрной истории Сибири — суждено было стать местом противостояния именно историка и экономиста, противо-

стояния, подтверждающего наблюдение, что «научная практика, вероятно, не является прежде всего познавательной деятельностью..., которая достаточно независима от других социальных практик и продвигается за счет последовательного решения чисто интеллектуальных вопросов»². Ну и, конечно же, помимо социальных характеристик ученых как членов научного сообщества в ходе изучения истории предметной области знания должен быть учтен более широкий спектр субъектных, личностных их характеристик, без которых невозможна познавательная работа, формирование продукта науки.

Как нам уже доводилось писать³, знакомство главных героев статьи — В.И. Шункова и В.Н. Шерстобоева — состоялось на исходе весны 1947 г. во время командировки последнего Москву для работы в Центральном государственном архиве древних актов с материалами Сибирского приказа и «портфелями Миллера». Поездка преследовала еще одну цель — заручиться поддержкой близившейся к завершению работы над первым томом «Илимской пашни» со стороны патриарха сибиреведения, члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. Реакция на работу далеко не рядового представителя исторического «цеха» была крайне важна для сибирского ученого: от успеха в другой профессиональной группе во многом зависела научная судьба исследования, с ним были связаны и перспективы научного роста. Отсутствие С.В. Бахрушина в Москве привело Шерстобоева к его ученику — В.И. Шункову, заместителю директора Института истории АН СССР, выпустившему на исходе 1946 г. монографию «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начале XVIII веков», в основу которой легла защищенная еще до войны кандидатская диссертация.

Отклик на оставленный столичному историку экземпляр рукописи «Илимской пашни» не заставил себя ждать, но, думается, своим содержанием разочаровал В.Н. Шерстобоева. В письме, полученном им вскоре после возвращения в Иркутск, В.И. Шунков фактически выразил лишь удовлетворение от обнаружения на страницах исследования провинциального коллеги «подтверждения тех основных положений, которые высказал в своей работе». Главным же его достоинством счел «постановку вопроса и положительное решение о роли крестьянства в колонизации Сибири», что ранее было сделано им самим «на примере воеводств Тобольского разряда». Акцент в письме явно был сделан на утверждении собственного приоритета (адресатом и неоспариваемого) в постановке вопроса о решающей роли крестьянской колонизации в деле освоения Сибири: «Мнение это сейчас принимается. Оно с одобрением подчеркнуто журналом “Вопросы истории” в рецензии на мою книгу. В скором времени должен выйти учебник для неисторических вузов, где этот раздел, по заявлению автора учебника, написан в согласии и по материалам моей книги»⁴.

В своем письме В.И. Шунков, коснувшись ряда частных преимущественно терминологических вопросов, совершенно проигнорировал ключевые главы будущей книги, посвященные экономике и технике крестьянских хозяйств и взаимоотношению последних с государством. Причина этого становится очевидной после знакомства с «ответным ходом» В.Н. Шерстобоева — с его детальным, едва ли не постраничным разбором монографии Шункова, выполненным, очевидно, по просьбе последнего как ответная любезность за подаренный при встрече в Москве ее экземпляр.

Начинает Шерстобоев свое письмо-разбор с более чем сдержанной («Книга правильно поднимает и разрешает главные вопросы крестьянской колонизации Сибири»), а отнюдь не восторженно-почтительной характеристики достоинств прочитанной книги, какую следовало бы ожидать от провинциального ученого, идущего по пути, торимому первопроходцем из столичного академического института. Знакомство же с конкретными замечаниями, возникшими у него по ходу внимательного прочтения книги, и вовсе заставляет вспомнить ставшую сегодня хрестоматийной характеристику, данную в свое время Л. Февром историкам, в трудах которых крестьяне пахали «не плугами, а картуляриями».

Под огонь критики В.Н. Шерстобоева попали, прежде всего, весьма поверхностные познания историка в области систем земледелия, то есть способов использования пашни. Например, его удивляет перечисление тем в одном ряду используемых форм полеводства «пашни наездом», «перелога» и «трехполья»: «Но и на пашне наездом могло быть трехполье (и перелог). Впрочем, не пойму, почему перелог — форма полеводства. Все это сильная путаница понятий». Не без сарказма реагирует он на попытки искать соответствие между площадями посевов озимых и яровых культур и фиксировать отклонения от такого соответствия: «Это не отклонения от трехполья, а поля подлинного трехполья, без отклонений. Поля не могут быть абсолютно равными, ведь они же не на шахматной доске, а в натуре!» (подчеркнуто В.Н. Шерстобоевым. — *Д. М.*). Скрупулезно отмечает и исправляет он регулярно встречающуюся на страницах книги путаницу мер объема и площади («четей», «четвериков», «четвертей»), смешение числа «дворов» и «душ» (как вариант — семей и человек), многочисленные ошибки в расчетах ставшие его следствием. Проявляет сдержанность, уточняя, что «поскотиной земли» — это «не резерв пашни и покосов, а огороженный выгон». И не выдерживает, когда наталкивается на утверждение историка о фактах временного содержания скота на паровом поле в целях его удобрения: «Как об этом можно говорить всерьез. Пар — без травы (первое), его не удобрить выгоном туда скота (второе)».

Обратил рецензент внимание и на отсутствие у историка элементарных представлений об экономических, в том числе рыночных процессах.

В частности, недоумение вызывает у него приписываемые Шунковым сибирским чиновникам прошлого действия, обусловленные, якобы, опасениями, что хлебные закупки могут разрушить хлебный рынок: «Странно. Закупки стимулируют рынок и развитие земледелия». Шерстобоев преисполнен возмущения регулярно наталкиваясь на утверждения автора о хлебном дефиците в Сибири: «Что значит — “Своим хлебом Сибирь не обошлась” (в 1657 г.). Наоборот, обходилась! Лишь баланс государева хлеба мог быть дефицитным. А баланс Сибири был положителен. Вы все время подменяете одно другим» (подчеркнуто В.Н. Шерстобоевым. — Д. М.). «Как же жили без хлеба?», — изумляется он.

Многие замечания В.Н. Шерстобоева были обусловлены обнаружившейся некомпетентностью автора книги в области техники статистического анализа, писавшего, например, что сравнение урожайности по двум годам дает возможность судить о ее колебаниях во времени («Нет, по двум годам ни о чем судить нельзя!»); или обнаружившего возрастающие ее колебания по различным уездам («Ведь уезд должен нивелировать средние! Значит, колебания уменьшаются»). Рецензент в сердцах даже восклицает: «Вообще все сопоставления неясны, делаются на несопоставимом и не поддающимся проверке (читателем) материале». Даже там, где имевшийся в его распоряжении материал позволял с помощью простейших статистических приемов серьезно обогатить выводы, сделать их более точными и наглядными, историк предпочитал говорить сам, вместо того, чтобы заставить говорить цифры: «В таблице нет ни средних, ни сравнений за исследуемый период, ни удельного веса пашни по группам», «печально, что в таблице Вы не воспользовались выведением средней. Нельзя упускать оружие».

Обратит внимание Шерстобоев на уже обозначившееся в книге столетнего историка стремление преуменьшать экономическое значение тех сибирских регионов, что оказались за территориальными рамками его исследования. Не оспаривая факта того, что четыре уезда Тобольского разряда (Верхотурский, Туринский, Тюменский и Тобольский) являлись в течение XVII и в начале XVIII вв. одним из ключевых центров сибирского земледелия, он усомнится в приводимых В.И. Шунковым цифрах, долженствующих продемонстрировать его исключительную роль в производстве хлеба. «Невероятно, чтобы в Восточной Сибири и в Средней Сибири было [в 1699 г.] 2% сибирского хлеба и 40% государственной пашни. Цифры случайны, не проверены и поданы вне всякой связи»⁵.

Завершает свое письмо-разбор В.Н. Шерстобоев словами, которые призваны были не столько сгладить остроту сделанных критических замечаний, сколько предупредить неправильное их восприятие оппонентом: «Разумеется, если бы я давал отзыв о книге, то большинство замечаний исчезло бы как сомнительные и мелкие. Но я пишу вам как сотоварищу и отмечаю все — важное и неважное, проверенное мной и догадки. Буду

рад, если большинство замечаний окажется плодом моего недопонимания или слабого знакомства с предметом. Эти замечания не умаляют значения вашей книги, так как любая книга дает пищу для возникновения разных вопросов. Следовательно, замечания — это предлог для беседы. Я не хотел бы попасть в число немых читателей Вашей книги»⁶.

Впрочем, даже высказанная в конце письма заинтересованность в получении ответа с «контр-замечаниями», или прозвучавшая, чтобы «подсластить пилюлю», похвала книге за осуществленный в ней анализ летописей на «бесхлебность» дорусской Сибири («это давно нужно было сделать историкам») вряд ли способны были произвести на оппонента ожидаемый эффект. Слишком уж различными были арсеналы аргументов для полемики на предметном поле аграрной истории Сибири, находившиеся в распоряжении экономиста и историка.

В.И. Шунков косвенно признал справедливость замечаний иркутского экономиста-историка содержанием своей рецензии на первый том «Илимской пашни», опубликованной на страницах журнала «Вопросы истории» (1950. № 3), где именует его не иначе как «специалистом по экономике сельского хозяйства». Профессиональные познания Шерстобоева, на его взгляд, позволили не только взглянуть на многие вопросы организации хозяйственной жизни прошлого «с точки зрения практического работника наших дней», но и «добиться большой остроты, как в постановке, так и разработке исторической проблемы»⁷.

Он даже не рискует вторгаться на предметное поле исследования, а ригористически называя «убедительно обоснованными» положения автора, касающиеся «конкретной истории образования русского крестьянского населения в Илимском крае, а также техники, экономики и организации земледельческого хозяйства» (сис!). Острие своей критики В.И. Шунков направляет (и посвящает ей большую часть текста рецензии) в область, где как историк чувствует твердую почву под ногами — в область социально-классовых отношений, классовой структуры сибирского общества. Если в своем письме к автору «Илимской пашни» тремя годами ранее он лишь высказывает сомнение в целесообразности «так категорически противопоставлять сибирского “свободного” крестьянина русскому крепостному», а за его группировкой русского населения Илимского воеводства видит следование за терминологией XVII в.⁸, то в рецензии все сомнения отринуты: «Автор ... этой группировкой подменил изучение классовой структуры сибирского общества, в частности, классовую характеристику крестьянства. В силу этого пашенный крестьянин не получил в работе четкой социальной характеристики»⁹.

Весь пафос критической части рецензии В.И. Шункова сводился к утверждению вывода о наличии феодально-крепостнического строя в сибирской деревне в XVII–начале XVIII вв. и недооценке этого факта автором «Илимской пашни». За недостатком исторических свидетельств

под занавес в ход шла магическая формула исторического материализма, призванная все живое и оригинальное, что было в работе, втиснуть в прокрустово ложе марксистской схемы: «Вместо показа столкновения развивающихся производительных сил с существующими в стране производственными отношениями автор дает идеализированную картину особых условий илимской жизни, свободной от крепостнического уклада и уже в XVII в. без всяких препятствий идущей по пути развития буржуазных (капиталистических) отношений»¹⁰.

Тем удивительнее обнаружить у авторов современных историографических работ утверждение о том, что В.И. Шунков придерживался взгляда на жителей государственных земель востока России как на лично свободных, а не крепостных, и был вынужден изменить ему лишь при защите докторской диссертации, учитывая противоположную в этом вопросе позицию своего учителя С.В. Бахрушина¹¹. Подобное объяснение вряд ли можно счесть убедительным, принимая во внимание, что «измена» собственным научным убеждениям имела место на страницах не только докторской монографии, но и личной переписки и журнальных рецензий¹². А ведь звучавшие со страниц последних обвинения в «классовой близорукости» могли дорого стоить авторам критикуемых работ, что едва не произошло с «Илимской пашней» В.Н. Шерстобоева.

Последний напрямую связывал растянувшуюся на долгие полтора года процедуру рассмотрения первого тома «Илимской пашни» в Институте экономики АН СССР на предмет возможности его защиты в качестве докторской диссертации (представленная в апреле 1950 г., работа защищалась только в ноябре 1951 г.) с «интересом», проявленным к книге со стороны ЦК ВКП(б). Высшая партийная инстанция затребовала отзывы сначала из Института истории, а затем и Института экономики, получив, соответственно, рецензии Н.И. Павленко (опубликованную вскоре на страницах журнала «Советская книга») и С.Г. Струмилина (озвученную позднее в качестве отзыва официального оппонента на докторском диспуте)¹³. И хотя сам Шерстобоев усматривал в этом «интересе» происки Иркутского обкома партии, ближе всех к истине был ... В.И. Шунков, полагавший, что причиной его пробуждения была проверка журнала «Вопросы истории»¹⁴. Однако единственной ниточкой, связывавшей Шерстобоева с журналом, была опубликованная на его страницах рецензия самого Шункова, которая своими идеологическими выпадами не могла не насторожить партийных функционеров.

Практически одновременно с публикацией рецензии увидела свет еще одна работа В.И. Шункова, наметившая принципиально иной вектор наступления на исследование В.Н. Шерстобоева. На страницах сборника «Вопросов географии», специально посвященного исторической географии, в статье «Географическое размещение сибирского земледелия в XVII веке» им была предпринята попытка наметить основные земледе-

льческие районы, «четыре отдельных земледельческих очага убывающей мощности при движении с запада на восток»¹⁵. Таковых было выделено четыре: Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейско-Красноярский и Илимо-Ленско-Ангарский (пятый, Амурский, район в XVII в. еще только складывался). Последний, и наиболее интересный для нас, Илимо-Ленско-Ангарский земледельческий район получил в работе весьма предвзятую характеристику, призванную проиллюстрировать отнюдь не один только факт слабости его хозяйственного потенциала по сравнению с западными регионами Сибири. Главной целью, по которой наносился удар, стала «илимская пашня» как географический объект — земледельческий район, сформировавшийся в Ангаро-Илимо-Ленском междуречье. (Заметим, что автор, уже знакомый с книгой Шерстобоева и не оставивший в своей рецензии без внимания ее название, ни разу не воспользовался столь удобным и кратким понятием как «илимская пашня», хотя в его тексте можно найти упоминания о «кетской пашне», «кузнецкой пашне».)

Статья демонстрирует явное стремление В.И. Шункова разорвать исторически сложившееся хозяйственное единство этого района путем выделения двух основных направлений его формирования и развития. Оба они вели прочь от Илима, Илимского острога как его исторического центра: один — к востоку в район нижнего течения Лены, к Якутску, другой — к юго-востоку, верховьям Ангары, к Иркутску. «Восточное направление» характеризуется им с помощью специально подобранных из архивных документов фраз, долженствующих подтвердить итоговый вывод о резком несоответствии площади района и населения, огромной территории, где «пашенных мест мало, лужишка небольшие», и редкой цепи мелких однодворных деревень¹⁶. И едва ли не для того чтобы придать хоть какой-то вес этой «огромной протяженности полосе», в учет общего количества крестьянских дворов берутся данные не только по Илимскому, но и Якутскому уездам. «Южное направление», значительно меньшей протяженности, ведет к формированию «иркутского земледельческого района», крайне незначительное население которого растет, тем не менее, более быстрыми темпами, нежели «илимо-ленского». Производя подсчет крестьянских дворов этого малого иркутского земледельческого района, В.И. Шунков включает в него крестьян-дворохозяев деревень Братского острога. Полагая, что «реально земледельческий район опустился к югу, к верховьям Лены и в междуречье Лены и Ангары»¹⁷, он, в конечном счете, вопреки собственному делению, начинает именовать весь Илимо-Ленско-Ангарский земледельческий район «Лено-Ангарским».

«Все, что я прочитал у Шункова в этой статье, навело на меня грусть. Полное незнание географии района, неумение воспользоваться материалами, в т.ч. географическим..., нехороший язык и нехорошая тенденция — уменьшать значение этого района, все это просто печально.

Шунков, приведя в своих прежних работах неправильные цифры по Тобольску, теперь прикрывает свои ошибки преуменьшением роли востока, преуменьшением и числа дворов», — с горечью писал Шерстобоев В.К. Яцунскому, одному из инициаторов, составителю и редактору «историко-географического» выпуска сборника «Вопросы географии»¹⁸.

Негативная оценка эта, на наш взгляд, свидетельствует одновременно о непонимании (или нежелании верить в них) конечных целей столичного историка, а также мотивов, которыми тот руководствовался. Искусственное конструирование географических районов и те риторические приемы, что для этого использовались, были порождены отнюдь не незнанием географии или неумелым использованием ее материалов. Напротив, историк умело манипулирует ими, ставит на службу далеким от науки целям, подтверждая лишний раз тот факт, что научное знание является продуктом уже не только определенных социальных условий и времени, но и широкого спектра субъектных, личностных характеристик исследователей. Наглядным подтверждением тому станет его докторская диссертация и основанная на ее материалах монография «Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век)» (1956).

Можно сказать, что в этой работе автор продолжит совершенствовать и развивать вышеупомянутую схему географического размещения сибирского земледелия в XVII в. Только вот развитие это лишь на первый взгляд сведется к добавлению к четырем ранее выделенным пятого земледельческого района — Забайкальско-Приамурского, тем более, что *de facto* о нем уже шла речь в статье 1950 г. Схема подвергается куда более серьезной модернизации в части, касающейся именно Ангаро-Илимо-Ленского междуречья. В.И. Шункову уже недостаточно разорвать внутреннее хозяйственное единство сложившегося на этой территории в XVII столетии земледельческого района; под его пером Илимо-Ленско-Ангарский район (прежде, напомним, им выделявшийся в качестве самостоятельного) вовсе исчезает как историко-географическое образование. Отныне он становится восточным придатком Енисейского земледельческого района.

Существование в рамках последнего «малого» Илимского земледельческого района в качестве самостоятельного — это, на взгляд историка, всего лишь «видимость», возникшая вследствие существования на его территории административного центра¹⁹ и не лишаящая возможности рассматривать его частью Енисейского земледельческого района. Аргументом, оправдывающим «растаскивание» его территории, становится ссылка на неустойчивость административных границ. Автор приводит факты, призванные своим обилием продемонстрировать «тяготение» илимских деревень к «енисейской стороне», но свидетельствующих исключительно в пользу Якутска и Иркутска. «На енисейской стороне» им были обнаружены лишь «несколько деревень на Тунгуске, расположен-

ные вверх и вниз от Илимского устья», вошедшие позднее в Индинскую, Яндинскую и Удинскую волости. Уже одно только их расположение на большой водной магистрали Тунгуска — Ангара, шедшей от Енисейска к Иркутску, по мысли Шункова, «естественно связывало эти илимские селения с енисейскими». И совсем неважным представляется ему тот факт, что «тяготели» они и «отписывались» большей частью к Иркутску, а частью «числились» за Илимским воеводством.

Только своей риторикой, насилуя исторические факты, столичный историк и создает Енисейский земледельческий район: «эта неустойчивость административных границ, отражавшая тягу населения к экономическим центрам основных речных систем, — одно из доказательств складывания енисейского земледельческого района. В силу этого в раздел, посвященный Енисейскому земледельческому району, мы включили обзор земледельческой деятельности русского населения всего Енисейского уезда, всего Красноярского уезда, части Илимского уезда, русское население которого жило по Илиму, его притокам и в селениях “енисейской стороны”, а также части Иркутского уезда за исключением его Забайкальских районов»²⁰. Оставшаяся часть Илимского уезда, находившаяся за Илимским перевалом, в Ленском речном бассейне и «естественно тянувшаяся к Якутску», как не трудно догадаться, отошла в работе к Ленскому земледельческому району.

Не более чем декларациями остались в работе заявления ее автора о Енисейске и Якутске как притягивавших население «илимской пашни» экономических центрах основных речных систем XVII в. Между тем, как писал в эти годы известный экономико-географ В.В. Покшишевский, «земли Енисейского острога были “скудны”. Лишь местное значение имели и запашки, созданные южнее под прикрытием Красноярского острога. Мы знаем, что колонизационное продвижение русского земледельческого населения в плодородную Минусинскую котловину, представлявшую собой во многом географический аналог Кузнецкой котловины, происходило значительно позже, начавшись лишь в XVIII веке. Тем большее значение имела “Илимская пашня” — житница, созданная в половине XVII века по средне Ангаре, на нижнем Илиме и Ленском волоке»²¹. Именно стремлением более тесно административно связать Якутск и Иркутск (но не Енисейск), ставшие центрами колонизационного движения на восток, с их хлебной базой, объясняются «отписки» им тех или иных волостей Илимского воеводства. И только искусственное включение «илимской пашни» в состав Енисейского земледельческого района превратило последний во второй по своему значению земледельческий район Сибири.

Следует отметить еще один факт, ярко, на наш взгляд, хотя и с другой стороны, характеризующий процесс производства знания, приоткрывающий его «кухню». Давая характеристику основным земледельческим районам Сибири, в изучение которых свой вклад внесли другие исследователи,

дователи, В.И. Шунков не забывает отметить его, и не иначе как в подстрочной ссылке к заголовку соответствующего очерка! Так поступает он, отмечая работы З.Я. Бояршиновой в очерке, посвященном земледелию Томско-Кузнецкого района, или упоминая неопубликованную еще кандидатскую диссертацию Ф.Г. Сафронова «Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илимма в XVII веке»²², некоторыми наблюдениями которого, содержащимися в автореферате, автор воспользовался в очерке «Земледелие на Лене». Не забывает он сослаться и на собственные разыскания по истории земледелия Верхотурско-Тобольского района. Игнорирует же — первый том «Илимской пашни». Исчезновение под его пером экономико-географического объекта — земледельческого района, сложившегося в Ангаро-Илимо-Ленском междуречье, превращение «илимской пашни» в «малый» район обширнейшего Енисейского земледельческого района, делает необязательной ссылку на ставшую в одночасье «узко-краеведческой» работу иркутского экономиста-историка.

В этой связи заслуживает внимания и упоминания уже цитированное на страницах нашей статьи письмо В.И. Шункова к Шерстобоеву 1947 г., содержащее замечания на рукописный вариант «Илимской пашни». На одно из таких замечаний мы вправе теперь взглянуть как на алгоритм последующих действий его автора, если не по дискредитации, то — воспользуемся словами В.Н. Шерстобоева — по «уменьшению значения» книги иркутского ученого. Рекомендую поставить материал будущей книги в связь с материалами по другим сибирским регионам, Шунков предупреждал, что в противном случае «остается неясным являются ли некоторые подмеченные Вами явления общими или местными. Такая работа для краеведческого исследования необязательна, но по моему убеждению Ваша книга имеет все права претендовать на значение более широкое, нежели узко-краеведческое»²³.

Сразу же после выхода в свет, В.И. Шунков посылает свою монографию — «в знак искренней признательности за то удовольствие, которое мне доставили Ваша “Илимская пашня” и те немногочисленные беседы, которые мы с Вами имели»²⁴ — Шерстобоеву. Последний, думается, сознательно спешит ответить на высланное одновременно с бандеролью с книгой письмо (делая это в день его получения), чтобы продемонстрировать свое нежелание даже кратко, в общих словах давать ей оценку: «Очень признателен за высылку книги. Она еще не пришла». Впрочем, истинные чувства все же вырываются наружу. За следующей фразой читаются и знакомство с содержанием книги, и более чем прозрачный намек на понимание мотивов, двигавших ее автором: «Познакомившись с нею — сообщу Вам мое мнение о ней, если Вы, конечно, желали бы этого». Да и за последними его строками — горечь не от одного только многолетнего ожидания выхода в свет второго тома «Илимской пашни» (о судьбе которого справлялся в своем письме Шунков), но и горечь ра-

зочарования в людях, в науке: «Если выйдет в свет — буду счастлив не только тем, что никогда не займусь больше историческими изысканиями, но и тем, что вышлю моим друзьям добрым, и безусловно, в том числе Вам, доказательство моей усидчивости и ослиного терпения (и христианского смирения)»²⁵.

Действительно, В.Н. Шерстобоев после выхода в свет в 1957 г. второго тома «Илимской пашни» фактически прекратит занятия аграрной историей. Хотя несогласие с построениями Шункова будут прорываться на страницы его работ, посвященных далеким от истории проблемам экономики сельского хозяйства региона. Вряд ли случайным был факт публикации в том же году сразу двух статей, в названиях которых фигурировал «Ангаро-Илимо-Ленский край»²⁶, а в тексте — нашлось место для исторических справок, настаивавших на том, что «здесь раньше, чем в других частях Восточной Сибири и Дальнего Востока, зародилось русское земледелие, снабжавшее хлебом в течение 100 лет весь северо-восток континента и оказавшее решительное влияние на развитие хлебопашества в более южных районах Прибайкалья и в Даурии»²⁷.

Некоторую надежду на научную реабилитацию труда В.Н. Шерстобоева сулила начавшаяся подготовка фундаментальной академической «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней», к работе над которой он был привлечен на начальном этапе создания. Проект проспекта тома, посвященного периоду феодализма, подготовленный сибирскими историками, предусматривал выделение наряду с Енисейским и Ленско-Илимского земледельческого района²⁸. Надеждам этим, однако, не суждено было сбыться. И не только из-за преждевременной смерти ученого. Подари ему судьба еще несколько лет плодотворной работы на ниве сибирской истории, и в этом случае мы, по всей видимости, не увидели бы его имени среди авторов этого коллективного труда. Рассказ о развитии сибирского земледелия в окончательном его варианте ведется в соответствии с уже известной «схемой» В.И. Шункова — редактора и составителя тома, к тому времени ставшего членом-корреспондентом АН СССР.

И все же, последнее слово в этом научном противостоянии, хочется верить, осталось за В.Н. Шерстобоевым. В марте 1960 г. он выступил на научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в Иркутске, с докладом «О историческом районировании Сибири». Несколько лет занятий экономической географией региона, проблемами экономического (сельскохозяйственного) его районирования не только не примирят его со сложившейся ситуацией, напротив — позволят с совершенно иных позиций взглянуть на проблему. Отныне он формулирует ее более широко, как проблему общего, а не только земледельческого, районирования Сибири, актуального «для систематизации наших знаний о пространственном размещении народного хозяйства на этой территории в течение последних веков»²⁹.

Полагая, что выработка методики исторического районирования, общей его схемы — дело будущего, он, тем не менее, намечает границы районов, проводя их по наиболее простым географическим параметрам — параллелям и меридианам, и предлагает их названия, заимствуя их преимущественно из гидрологии. Южная часть Сибири и Дальнего Востока делится им на девять районов, из которых нам наиболее интересны пять земледельческих, сложившихся в XVII веке: Туро-Тобольский (от Урала до 72° восточной долготы), Иртышский (72°–83°), Приобский или Обь-Томский (83°–88°), Енисейский (88°–98°) и Ангаро-Ленский или Ангаро-Илимо-Ленский (98°–110°)³⁰. Как видим, ученый восстанавливает Ангаро-Илимо-Ленский район в его правах, утверждает исторически сложившееся хозяйственное единство своей «илимской пашни».

К сожалению, несмотря на использованную В.Н. Шерстобоевым трибуну представительного научного форума, предложенная им схема пространственного размещения сибирского земледелия осталась невостребованной исторической наукой. Сибирская историография на протяжении вот уже более полувека не подвергает сомнению обоснованность определения основных земледельческих районов Сибири В.И. Шунковым и предпочитает поддерживать миф о В.Н. Шерстобоеве как его верном последователе, на примере отдельной области Сибири развивавшем идеи научного лидера³¹. Настоящая статья — попытка хотя бы отчасти развеять его.

Примечания

¹ Василевский Б. Заря космической эры, или Русская Атлантида // Дружба народов. 2003. № 8. С. 188.

² Пестр Д. Социальная и культурологическая история науки: новые определения, новые объекты, новые практики // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 53.

³ Майдачевский Д.Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей. Иркутск, 2006. С. 170–174.

⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.р-2683 (В.Н. Шерстобоев). Оп. 1. Д. 292. Л. 1–2 (письмо В.И. Шункова к В.Н. Шерстобоеву от 28 июня 1947 г.).

⁵ Там же. Д. 191. Л. 6–11. См. также: Архив РАН (РАН). Ф. 1555 (В.И. Шунков). Оп. 1. Д. 146. Л. 1–6.

⁶ ГАИО. Ф.р-2683. Оп. 1. Д. 191. Л. 11.

⁷ Шунков В.И. Рецензия на книгу В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня» (т. 1) // Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 329.

⁸ ГАИО. ф.р-2683. Оп. 1. Д. 292. Л. 2.

⁹ Шунков В.И. Рецензия на книгу В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня». С. 331.

¹⁰ Там же. С. 334.

¹¹ Шиловский М.В. Историография Сибири. XVI–1-я пол. XIX в. // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т.: Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 674.

¹² М.В. Шиловский, думается, сознательно игнорирует факт совпадения «возврата» В.И. Шункова к «первоначальным взглядам» с социально-политическими переменами в стране. Нам же представляется, что даже факт включения рецензии на книгу В.Н. Шерстобоева, где Шунков «изменяет» своим взглядам, в сборник его избранных работ «Вопросы аграрной истории России» (М., 1974), следует рассматривать в свете наступивших в стране идеологических «заморожков», когда эти взгляды вновь оказались востребованными.

¹³ Первый свои критические замечания, касающиеся рассмотрения автором «Илимской пашни» социально-классовых отношений, сгладил выводом о том, что при их характеристике тот исходил не из «коренных», а «второстепенных» особенностей крепостного хозяйства, «не отвергающих существование крепостнических отношений, а лишь характеризующих уровень их развития» (Павленко Н.И. [Рецензия] // Советская книга. 1951. № 4. С. 60). Второй и вовсе поддержал именно «умелый показ таких социально-экономических явлений», подчеркнув, что «за отсутствием крепостных отношений здесь (в Илимско-Ангаро-Ленском междуречье. — Д. М.) даже некоторая отсталость в агротехнике не мешала более быстрому в других отношениях росту и продвижению местного хозяйства вперед на путях к капитализму» (АРАН. Ф. 1877 (Институт экономики АН СССР). Д. 529. Л. 37; см. так же: РГЭА. Ф. 219 (С.Г. Струмилини). Оп. 1. Д. 440. Л. 269).

¹⁴ ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 40. Л. 8–8об.

¹⁵ Шунков В.И. Географическое размещение сибирского земледелия в XVII веке // Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950. С. 237.

¹⁶ Насколько это контрастирует с точкой зрения В.Н. Шерстобоева, читатель может судить по следующей цитате из книги последнего: «Величина селений не есть случайный показатель, а мелкие однодворные деревни вовсе не курьез прошедшего времени. Средний размер селения — строго закономерная величина для конкретной эпохи и местности. Расселение мелкими однодворными деревнями позволило русским разрешить необычайно сложную задачу — быстро освоить обширные владения, превратить безымянные географические пространства в волости и уезды Русского государства, сельскохозяйственные пустыни — в земледельческие области. Громадная и сравнительно густая сеть мелких русских селений сделала всю занятую местность непроницаемой для любого иноземного народа и позволила в ячейках между узлами сети осуществлять в дальнейшем размещение новых колонизационных отрядов крестьян» (Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 37).

¹⁷ Шунков В.И. Географическое размещение сибирского земледелия в XVII веке. С. 232.

¹⁸ АРАН. Ф. 1639 (В.К. Яцунский). Оп. 1. Д. 637. Л. 6–6 об (письмо В.Н. Шерстобоева к В.К. Яцунскому от 17 ноября 1950 г.).

¹⁹ Как тут вновь не процитировать В.Н. Шерстобоева, писавшего: «“Строилась” пашня, “ковались пашенные заводы” и, как следствие развития пашенного дела, возникали деревни и волости. Илимская пашня породила Илимское воеводство» (Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. С. 259).

²⁰ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. С. 100.

²¹ Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. С. 64.

²² Работа Ф.Г. Сафронова была опубликована в том же году, что и книга самого Шункова (Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск, 1956. 210 с.).

²³ ГАИО. Ф.р-2683. Оп. 1. Д. 292. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 4 (письмо В.И. Шункова к В.Н. Шерстобоеву от 26 ноября 1956 г.).

²⁵ АРАН. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 390. Л. 2–3об (письмо В.Н. Шерстобоева к В.И. Шункову от 5 декабря 1956 г.).

²⁶ Шерстобоев В.Н. Сельское хозяйство Ангаро-Илимо-Ленского края // Ученые записки Иркутского финансово-экономического института. Вып. 4. Иркутск, 1957. С. 3–9; Его же. О развитии сельского хозяйства в Ангаро-Илимо-Ленском крае // Сельское хозяйство Сибири (Омск). 1957. № 6. С. 15–18.

²⁷ Шерстобоев В.Н. Сельское хозяйство Ангаро-Илимо-Ленского края. С. 4.

²⁸ История Сибири и Дальнего Востока (в пяти томах). Проект проспекта. Новосибирск, 1961. С. 46.

²⁹ Шерстобоев В.Н. О историческом районировании Сибири // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода: тез. докл. и сообщ. Иркутск, 1960. С. 39.

³⁰ Там же. С. 42.

³¹ Ср.: История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 19; Шиловский М.В. Историография Сибири... С. 674.

А.А. ИВАНОВ

В.Н. ШЕРСТОБОЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ XVII–XVIII вв.

Сибирская ссылка и каторга всегда привлекали внимание исследователей самого различного профиля. Эта тема активно изучалась специалистами русской научной школы как составная часть пенитенциарной политики и практики государства. Ученые-криминалисты, историки и тюрьмоведы М.Н. Галкин-Врасской, С.К. Гогель, П.К. Гран, С.П. Мокринский, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, А.П. Саламон, Н.С. Таганцев и многие другие подвергли всестороннему изучению правовые, организационные, хозяйственные и финансовые аспекты этого явления. Их интересовала в первую очередь эффективность функционирования института ссылки. В начале XX в. в результате многочисленных дискуссий, большая часть исследователей склонялась в пользу отмены ссылки на поселение и замены ее тюремным заключением, сопровождаемым обязательными каторжными работами. Ссылка в Сибирь, как и в северные отдаленные губернии страны, или на Кавказ, признавалась дорогостоящей и неэффективной.